

Москва 20-х годов. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Москва 20-х годов. Михаил Афанасьевич Булгаков

ВСТУПЛЕНИЕ.

Не из прекрасного далека я изучал Москву 1921–1924 годов. О, нет, я жил в ней, я истоптал ее вдоль и поперек. Я поднимался во все почти шестые этажи, в каких только помещались учреждения, а так как не было положительно ни одного шестого этажа, в котором бы не было учреждения, то этажи знакомы мне все решительно. Едешь, например, на извозчике по Златоуспенскому переулку в гости к Юрию Николаевичу[1] и вспоминаешь:

– Ишь, домина! Позвольте, да ведь я в нем был. Был, честное слово! И даже припомню, когда именно. В январе 1922 года. И какого черта меня носило сюда? Извольте. Это было, когда я поступил в частную торгово-промышленную газету[2] и просил у редактора аванс. Аванса мне редактор не дал, а сказал: «Идите в Злато-успенский переулок, в шестой этаж, комната №...» позвольте, 242? а может, и 180?.. Забыл. Не важно... Одним словом: «Идите и получите объявление в Главхиме»... или в Центрохиме? Забыл. Ну, не важно... «Получите объявление, я вам 25%». Если бы теперь мне кто-нибудь сказал: «Идите, объявление получите», – я бы ответил: «Не пойду». Не желаю ходить за объявлениями. Мне не нравится ходить за объявлениями. Это не моя специальность. А тогда... О, тогда было другое. Я покорно накрылся шапкой, взял эту дурацкую книжку объявлений и пошел, как лунатик. Был совершенно невероятный, какого никогда даже не бывает, мороз. Я влез на шестой этаж, нашел комнату № 200, в ней нашел рыжего лысого человека, который, выслушав меня, не дал мне объявления.

Кстати, о шестых этажах. Позвольте, кажется, в этом доме есть лифты? Есть. Есть. Но тогда, в 1922 году, в лифтах могли ездить только лица с пороком сердца. Это во-первых. А во-вторых, лифты не действовали. Так что и лица с удостоверением о том, что у них есть порок, и лица с непорочными сердцами (я в том числе) одинаково поднимались пешком в шестой этаж.

Теперь другое дело. О, теперь совсем другое дело! На Патриарших прудах, у своих знакомых[3], я был совсем недавно. Благодушно поднимаясь на своих ногах в шестой этаж, футах в 100 над уровнем моря, в пролете между 4-м и 5-м этажами, в сетчатой трубе, я увидел висящий, весело освещенный и совершенно неподвижный лифт. Из него доносился женский плач и бубнящий мужской бас:

– Расстрелять их надо, мерзавцев!

На лестнице стоял человек швейцарского вида, с ним рядом другой в замасленных штанах, по-видимому, механик, и какие-то любопытные бабы из 16-й квартиры.

– Экая оказия, – говорил механик и ошеломленно улыбался.

Когда ночью я возвращался из гостей, лифт висел там же, но был темный, и никаких голосов из него не слышалось. Вероятно, двое несчастных, провисев недели две, умерли с голоду.

Бог знает, существует ли сейчас этот Центро- или Главхим, или его уже нет! Может быть, там какой-нибудь Химтрест, может быть, еще что-нибудь. Возможно, что давно нет ни этого Хима, ни рыжего лысого, а комнаты уже сданы и как раз на том месте, где стоял стол с чернильницей, теперь стоит пианино или мягкий диван и сидит на месте химического человека обаятельная барышня с волосами, выкрашенными перекисью водорода, читает «Тарзана»[4]. Все возможно. Одно лишь хорошо, что больше туда я не полезу ни пешком, ни в лифте!

Да, многое изменилось на моих глазах.

Где я только не был! На Мясницкой сотни раз, на Варварке – в Деловом Дворе, на Старой Площади – в Центросоюзе, заезжал в Сокольники, швыряло меня и на Девичье Поле. Меня гоняло по всей необъятной и странной столице одно желание – найти себе пропитание. И я его находил, правда скудное, неверное, зыбкое. Находил его на самых фантастических и скоротечных, как чахотка, должностях, добывал его странными, утлыми способами, многие из которых теперь, когда мне полегчало, кажутся уже мне смешными. Я писал торгово-промышленную хронику в газетку, а по ночам сочинял веселые фельетоны, которые мне самому казались не смешнее зубной

Москва 20-х годов. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru боли, подавал прошение в Лыотрест, а однажды ночью, остервенившись от постного масла, картошки, дырявых ботинок, сочинил ослепительный проект световой торговой рекламы. Что проект этот был хороший, показывает уже то, что, когда я привез его на просмотр моему приятелю, инженеру, тот обнял меня, поцеловал и сказал, что я напрасно не пошел по инженерной части: оказывается, своим умом я дошел как раз до той самой конструкции, которая уже светится на Театральной площади. Что это доказывает? Это доказывает только то, что человек, борющийся за свое существование, способен на блестящие поступки.

Но довольно. Читателю, конечно, не интересно, как я нырял в Москве, и рассказываю я все это с единственной целью, чтобы он поверил мне, что Москву 20-х годов я знаю досконально. Я обшарил ее вдоль и поперек. И намерен ее описать. Но, описывая ее, я желаю, чтобы мне верили. Если я говорю, что это так, значит, оно действительно так!

На будущее время, когда в Москву начнут приезжать знатные иностранцы, у меня есть в запасе должность гида.

I. ВОПРОС О ЖИЛИЩЕ

...Эй, квартиру!!

(2-й акт «Севильского цирюльника»)

Условимся раз навсегда: жилище есть основной камень жизни человеческой. Примем за аксиому: без жилища человек существовать не может. Теперь, в дополнение к этому, сообщаю всем, проживающим в Берлине, Париже, Лондоне и прочих местах, – квартир в Москве нету.

Как же там живут?

А вот так-с и живут.

Без квартир.

Но этого мало – последние три года в Москве убедили меня, и совершенно определенно, в том, что москвичи утратили и самое понятие слова «квартира» и словом этим наивно называют что попало. Так, например: недавно один из моих знакомых журналистов на моих глазах получил бумажку: «Предоставить товарищу такому-то квартиру в доме №7 (там, где типография)». Подпись и круглая жирная печать.

Товарищу такому-то квартира была предоставлена, и у товарища такого-то я вечером побывал. На лестнице без перил были разлиты щи, и поперек лестницы висел обрезанный, толстый, как уж, кабель. В верхнем этаже, пройдя по слою битого стекла, мимо окон, половина из которых была забрана досками, я попал в тупое и темное пространство и в нем начал кричать. На крик ответила полоса света, и, войдя куда-то, я нашел своего приятеля. Куда я вошел? Черт меня знает. Было что-то темное, как шахта, разделенное фанерными перегородками на пять отделений, представляющих собою большие продолговатые картонки для шляп. В средней картонке сидел приятель на кровати, рядом с приятелем его жена, а рядом с женой брат приятеля, и означенный брат, не вставая с постели, а лишь протянув руку, на противоположной стене углем рисовал портрет жены. Жена читала «Тарзана».

Эти трое жили в трубке телефона. Представьте себе, вы, живущие в Берлине, как бы вы себя чувствовали, если б вас поселили в трубке. Шепот, звук упавшей на пол спички был слышен через все картонки, а ихняя была средняя.

– Маня! (Из крайней картонки.)

– Ну? (Из противоположной крайней.)

– У тебя есть сахар? (Из крайней.)

– В Люстгартене, в центре Берлина, собралась многотысячная демонстрация рабочих с красными знаменами... (Из соседней правой.)

- Конфеты есть... (Из противоположной крайней.)
- Свинья ты! (Из соседней левой.)
- В половину восьмого вместе пойдем!
- Вытри ты ему нос, пожалуйста...

Через десять минут начался кошмар: я перестал понимать, что я говорю, а что не я, и мой слух улавливал посторонние вещи. Китайцы, специалисты по части пыток, – просто щенки. Такой штуки им ни в жизнь не изобрести!

– Как же вы сюда попали?.. Го-го-го!.. Советская делегация в сопровождении советской колонии отправилась на могилу Карла Маркса... Ну?! Вот тебе и ну! Благодарю вас, я пил... С конфетами?! Ну их к чертям!.. Свинья, свинья, свинья! Выбрось его вон! А вы где?.. В Киото и Иокогаме... Не ври, не ври, скотина, я давно уже вижу!.. Как, уборной нету?!!

Боже ты мой! Я ушел, не медля ни секунды, а они остались. Я прожил четверть часа в этой картонке, а они живут 7 (семь) месяцев.

Да, дорогие граждане, когда я явился к себе домой, я впервые почувствовал, что все на свете относительно и условно. Мне померещилось, что я живу во дворце и у каждой двери стоит напудренный лакей в красной ливрее и царит мертвая тишина. Тишина, это великая вещь, дар богов и рай – это есть тишина. А между тем дверь у меня всего одна (равно как и комнат), и выходит эта дверь непосредственно в коридор, а наискось живет знаменитый Василий Иванович со своею знаменитой женой.

Клянусь всем, что у меня есть святого, каждый раз, как я сажусь писать о Москве, проклятый образ Василия Ивановича стоит передо мною в углу. Кошмар в пиджаке и полосатых подштанниках заслонил мне солнце! Я упираюсь лбом в каменную стену, и Василий Иванович надо мной, как крышка гроба.

Поймите все, что этот человек может сделать невозможной жизнь в любой квартире, и он ее сделал невозможной. Все поступки В. И. направлены в ущерб его ближним, и в кодексе Республики нет ни одного параграфа, которого он бы не нарушил. Нехорошо ругаться матерными словами громко? Нехорошо. А он ругается. Нехорошо пить самогон? Нехорошо. А он пьет. Буйствовать разрешается? Нет, никому не разрешается. А он буйствует. И т. д. Очень жаль, что в кодексе нет пункта, запрещающего игру на гармонике в квартире. Вниманию советских юристов: умоляю ввести его! Вот он играл. Говорю – играл, потому что теперь не играет. Может быть, угрызения совести остановили этого человека? О, нет, чудачки из Берлина: он ее пропил.

Словом, он немыслим в человеческом обществе, и простить его я не могу, даже принимая во внимание его происхождение. Даже наоборот: именно принимая во внимание, простить не могу. Я рассуждаю так: он должен показывать мне, человеку происхождения сомнительного, пример поведения, а никак не я ему. И пусть кто-нибудь докажет мне, что я не прав.

И вот третий год я живу в квартире с Василием Ивановичем, и сколько еще проживу – неизвестно. Возможно, и до конца моей жизни, но теперь, после визита в картонку, мне стало легче. Не нужно особенно замахиваться, граждане!

Да, мне стало легче. Я стал терпеливее и к людям участливее.

Доктор Г., мой друг, явился ко мне на прошлой неделе с воплем:

- Зачем я не женился?!

В устах его, первого и признанного женофоба в Москве, такая фраза заслуживала внимания.

Оказалось: домовое управление его уплотнило. Поставило перегородку в его комнате и за перегородкой поселило супружескую пару. Тщетно доктор барахтался и выл. Ничего не вышло. Председатель твердил одно:

– Вот ежели бы вы были женатый, тогда другое дело...

А третьего дня доктор явился и сказал:

– Ну, слава Богу, что я не женился... Ты с женой ссоришься?

– Гм... иногда... как сказать... – ответил я уклончиво и вежливо, поглядывая на жену, – вообще говоря... бывает иногда... видишь ли...

– А кто виноват бывает? – быстро спросила жена.

– Я, я виноват, – поспешил уверить я.

– Кошмар. Кошмар. Кошмар, – заговорил доктор, глотая чай, – кошмар. Каждый вечер, понимаешь ли, раздается одно и то же: «Ты где был?» – «На Николаевском вокзале». – «Врешь». – «Ей-Богу...» – «Врешь». Через минуту опять: «Ты где был?» – «На Нико...» – «Врешь». Через полчаса: «Где ты был?» – «У Ани был». – «Врешь!!»

– Бедная женщина, – сказала жена.

– Нет, это я бедный, – отозвался доктор, – и я уезжаю в Орехово-Зуево. Черт ее бери!

– Кого? – спросила жена подозрительно.

– Эту... клинику...

Он в Орехово-Зуево, а знакомая Л. Е. в Италии. Увы, ей нет места даже за перегородкой. И прекраснейшая женщина, которая могла бы украсить Москву, стремится в паршивый какой-то Рим.

И Василий Иванович останется, а она уедет!

А Наталья Егоровна бросила этой зимой мочалку на пол, а отодрать ее не могла, потому что над столом девять градусов, а на полу совсем нет градусов и даже одного не хватает. Минус один. И всю зиму играла вальсы Шопена в валенках, а Петр Сергеич нанял прислугу и через неделю ее рассчитал, а прислуга никуда не ушла! Потому что пришел председатель правления и сказал, что она (прислуга) – член жилищного товарищества и занимает площадь и никто ее не имеет права тронуть. Петр Сергеевич, совершенно ошалевший, мечется теперь по всей Москве и спрашивает у всех, что ему теперь делать? А делать ему ровно нечего. У прислуги в сундуке карточка бравого красноармейца, бравшего Перекоп, и карточка жилищного товарищества. Крышка Петру Сергеичу!

А некий молодой человек, у которого в «квартире» поселили божью старушку, однажды в воскресенье, когда старушка вернулась от обедни, встретил ее словами:

– Надоела ты мне, божья старушка.

И при этом стукнул старушку безменом по голове. И таких случаев или случаев подобных я знаю за последнее время целых четыре. Осуждаю ли я молодого человека? Нет. Категорически – нет. Ибо прекрасно чувствую, что посели ко мне в комнату старушку или же второго Василия Ивановича, и я бы взялся за безмен, несмотря на то, что мне с детства дома прививали мысль, что безменом орудовать ни в коем случае не следует.

А Саша предлагал 20 червонцев, чтобы только убрали из его комнаты Анфису Марковну...

Впрочем, довольно.

Отчего же происходит такая странная и неприятная жизнь? Происходит она только от одного – от тесноты. Факт, в Москве тесно.

Что же делать?!

Сделать можно только одно: применить мой проект, и этот проект я изложу, предварительно написав еще главу «О хорошей жизни».

II. О ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ

Юрий Николаевич заложил ногу за ногу и, прожевывая кекс, спросил:

– Вот не совсем понимаю, почему вы, человек довольно благодушный, как только начинаете говорить о квартире, впадаете в ярость?

Я тоже сунул в рот кусок кекса (прекрасная вещь с чаем, но отнюдь не в 5 часов дня, когда человек приходит со службы и нуждается в борще, а не в чае с кексом. Вообще, московские граждане, бросим мы эти фэйф-о-клоки к чертям!) и ответил:

– Поэтому и впадаю в ярость, что я на этом вопросе собаку съел. Высокий специалист.

– Может быть, вы еще чаю хотите? – осторожно предложила хозяйка.

– Нет, благодарю вас, чаю не хочется. Сыт, – со вздохом ответил я, чувствуя какое-то странное томление. Обломки кекса плавали внутри меня в чайном море и вызывали чувство тоски.

– Вам хорошо говорить, – продолжал я, закуривая, – когда у вас прекрасная квартира в две комнаты.

Юрий Николаевич тотчас судорожно засмеялся, торопливо проглатывая изюм, и полез в карманы. В одном он ничего не нашел, в другом тоже. И в третьем. Тогда он кинулся к столу, нырнул в ящики, нырнул в какие-то груды – и там не нашел.

Вместо искомого нашел позапрошлый понедельничный номер «Накануне», полюбовался на него и сказал:

– Пропала куда-то. Ну, ладно.

С этими словами он стал на колени на пол и ухватился за ножки кресла в углу. Лохматый пес обрадовался суете, начал скакать и хватать его за штаны.

– Пошел вон! – закричал, краснея, Юрий Николаевич. Кресло отъехало в сторону, и в огромнейшей лохматой дыре, аршин в диаметре, оказался купол соседней церкви на голубом фоне неба.

– Однако.

– До ремонта ее не было, – пояснил счастливый обладатель двух комнат с дырой, – а вот, сделали ремонт и дыру.

– Так ее же можно заделать.

– Нет уж я ее заделывать не буду. Пусть тот, кто мне бумажку прислал, сам и заделывает.

Он опять похлопал по карманам, но бумажки так и не нашел.

– Бумажку прислали, чтобы я вытряхнулся из этой квартиры.

– Куда?

– В бумажке написано: не касается.

Каюсь: на душе у меня полегчало. Не один, стало быть, я.

В самом деле: как это так «вытряхайтесь»?! Ведь месту пусто не быть? Юрий Николаевич вытряхнется, но ведь на его место «втряхнется» Сидор Степаныч? А Юрий Николаевич, оказавшись на панели, ведь тоже пожелает войти под кров? А если под этим кровом сидит уже Федосей Гаврилович? Стало быть, Федосей Гаврилычу вытряхательную бумажку? Федосей на место Ивана, Иван на место Ферапонта, Ферапонт на место Панкратия...

Нет, граждане, это чепуха какая-то получается!

В лето от Рождества Христова... (в соседней комнате слышен комсомольский голос: «Не было его!!»), ну, было или не было, одним словом, в 1921 году, въехав в Москву, и в следующие года 1922 и 1923-й, страдал я, граждане, завистью в острой форме. Я, граждане, человек замечательный, скажу это без ложной скромности. Труд-книжку в три дня добыл, всего лишь три раза по 6 часов в очереди стоял, а не по 6 месяцев, как всякие растяпы. На службу пять раз поступал, словом, все преодолел[5], а квартирку, простите, осилить не мог. Ни в три комнаты, ни в две и даже ни в одну. И как сел в знаменитом соседстве с Василием Ивановичем, так и застрял.

(Голос Юрия Николаевича за сценой: – Да у вас отличная комната!!)

Хор греческой трагедии. Бескомнатные:

– Эт-то возмутительно!!!

Ладно, не будем спорить. Факт тот, что бывают лучше.

И так – застрял. Тьма событий произошла в это время в подлунном мире, и одним из них, по поводу которого я искренно ликовал, была посадка на скамью подсудимых всего этого, как он, бишь, назывался?... Центрожил... ну, одним словом, те, что в 21–22-м гг. комнаты раздавали по ордерам. По сколько лет им дали, не помню, но жалею, что не вдвое больше. После этого и вовсе их, как он?., «жил» этот, кажется, упразднили. И уже появились в «Известиях» объявления «Ищу... Ищу... Ищу...», а я так и сижу.

Сидел и терзался завистью. Ибо видел неравномерное распределение благ квартирных.

Не угодно ли, например. Ведь Зина чудно устроилась[6]. Каким-то образом в гуще Москвы не квартирка, а бонбоньерка в три комнаты. Ванна, телефончик, муж. Манюшка готовит котлеты на газовой плите, и у Манюшки еще отдельная комнатка. С ножом к горлу приставал я к Зине, требуя объяснений, каким образом могли уцелеть эти комнаты.

Ведь это же сверхъестественно!!

Четыре комнаты – три человека. И никого посторонних.

Москва 20-х годов. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

И Зина рассказала, что однажды на грузовике приехал какой-то и привез бумажку «вытряхайтесь!!»

А она взяла и... не вытряхнулась.

Ах, Зина, Зина! Не будь ты уже замужем, я бы женился на тебе. Женился бы, как Бог свят, и женился бы за телефончик и за винты газовой плиты, и никакими силами меня не выдрали бы из квартиры.

Зина, ты орел, а не женщина!

Эпоха грузовиков кончилась, как кончается все на этом свете. Сиди, Зинуша.

Николай Иванович отыгрался на двух племянницах. Написал в провинцию, и прибыли две племянницы. Одна из них ввинтилась в какой-то вуз, доказав по всем швам свое пролетарское происхождение, а другая поступила в студию. Умен ли Николай Иванович, повесивший себе на шею двух племянниц в столь трудное время?

Не умен-с, а гениален.

Шесть комнат остались у Николая Иваныча[7]. Приходили и с портфелями и без портфелей и ушли ни с чем. Квартира битком была набита племянницами. В каждой комнате стояла кровать, а в гостиной две.

На днях прославился Яша. Яша никаких племянниц не выписывал. Яша ухитрился в 5 (пяти) комнатах просидеть один, наклеив на дверь полусгнивший от времени (с 1918 года, кажется) ордер, из которого явствовало, что у означенного Яши студия.

Яша – ты гений!

А Паша...

Довольно!

С течением времени я стал классифицировать. И классификация моя проста, как не знаю что.

Два сорта, живущих хорошей жизнью:

1. Имели и сумели сохранить (Зина, Николай Иваныч, Яша, Паша и др...).
2. Ничего не имели, приехали и получили.

Пример: приезжает из Баку Нарцисс Иоаннович, немедленно становится председателем треста, получает две комнаты (газовая плита и т. д.) в казенном доме. Затем неизменно идут неприятности на сердце от трэфовой дамы, засим неприятности в казенном доме, засим дальняя дорога и в заключительном аккорде бубновый туз (десять, по амнистии – два, в общем восемь). На место Нарцисса садится Сокиз. На место Сокиза – Абрам, на Абрамове место – Федор...

Довольно...

Москва 20-х годов. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ПРОЕКТ

Так же, конечно, немыслимо! В воздухе много проектов: в числе их бумажки о выезде в 2-х такой-то срок, хитрые планы о том, как Фецула потеснить, а Валентина переселить, а Василия выселить.

Все это не то.

Действителен лишь мой проект:

МОСКВУ НАДО ОТСТРАИВАТЬ.

Когда в Москве на окнах появятся белые билетки со словами:

«СДАЕЦА», –
все придет в норму.

Жизнь перестанет казаться какой-то колдовской маетой – у одних на сундуке в передней, у других в 6 комнатах в обществе неожиданных племянниц

ЭКСТАЗ
Москва! я вижу тебя в небоскребах!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!